

Пределы технической конкретизации принципов права в сфере регулирования искусственного интеллекта

Пантелеймон Андреевич Курочкин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия,
pant_pant@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4435-2204>

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена противоречием между абстрактным ценностно-нормативным содержанием принципов права и необходимостью устанавливать проверяемые требования к системам искусственного интеллекта (далее – ИИ). Вопрос о том, в какой мере содержание принципа может быть переведено в технические параметры без его подмены заранее заданным правилом, в теории права остается открытым.

Цель. Определить порядок и пределы технической конкретизации принципов права в регулировании ИИ.

Теоретические основы. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и формально-логический методы.

Результаты. Обосновано разграничение материальных принципов, охраняющих права и ценности личности, и принципов-гарантий, обеспечивающих проверяемость и оспоримость алгоритмических решений. Техническая конкретизация представлена как юридически опосредованный перевод отдельных нормативных проекций принципа в требования к данным, процедурам и результатам интеллектуальной системы. Статьи 3 и 64 Трудового кодекса РФ разобраны как случай, где запрет дискриминации расходится с техническим и процессуальным обеспечением алгоритмического отбора персонала. Результаты конкретизации распределены по группам в зависимости от того, насколько они поддаются технической формализации. Пределов конкретизации выделено три: структурно-логический, аксиологический и эпистемико-технологический. Статистическое расхождение результатов между группами дискриминацию не доказывает, но порождает опровержимую презумпцию и обязанность раскрыть критерии отбора. Чтобы компенсировать названные пределы, предложен институциональный механизм. Он перераспределяет бремя доказывания, вводит состязательную проверку экспертных выводов и типовые карты выбора метрик. Часть его элементов допустимо апробировать в экспериментальном правовом режиме, остальные потребуют изменений в трудовом и процессуальном законодательстве.

Выводы. Технической конкретизации подлежит не принцип в полном объеме, а его отдельные нормативные проекции, тогда как окончательная правовая оценка конкурирующих ценностей в юридически значимых решениях должна обеспечиваться содержательным человеческим контролем.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, принципы права, формальное равенство, недискриминация, технические стандарты, пределы формализации, человеческий контроль, метрики справедливости, экспериментальные правовые режимы, социально-технические нормы, объяснимость алгоритмов

Для цитирования: Курочкин П. А. Пределы технической конкретизации принципов права в сфере регулирования искусственного интеллекта // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. №3. С. 40 – 54. EDN: XLRBZI

Original article

The limits of technical concretization of legal principles in artificial intelligence regulation

Panteleymon A. Kurochkin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia,
pant_pant@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4435-2204>

Abstract

Introduction. The relevance of the study is determined by the tension between the abstract value-based content of legal principles and the need to establish verifiable requirements for artificial intelligence (AI) systems. The extent to which the content of a principle may be translated into technical parameters without replacing it with a predetermined rule remains an open question in legal theory.

Purpose. To determine the procedure and limits of the technical concretization of legal principles in AI regulation.

Theoretical basis. The methodology combines formal legal, comparative legal, systemic structural and formal logical methods.

Results. The study distinguishes between substantive principles protecting individual rights and values and safeguard principles ensuring the verifiability and contestability of algorithmic decisions. Technical concretization is defined as the legally mediated translation of particular normative projections of a principle into requirements for the data, procedures and outputs of an AI system. Articles 3 and 64 of the Russian Labour Code are used to identify gaps between the prohibition of discrimination and its technical and procedural enforcement in algorithmic recruitment. A typology of the results of concretization according to their degree of technical formalizability is proposed. Structural-logical, axiological and epistemic-technological limits are identified. Statistical disparity between groups is shown to constitute not proof of discrimination but grounds for a rebuttable presumption and a duty to disclose selection criteria. An institutional mechanism is proposed that includes shifting the burden of proof, adversarial examination of expert evidence and model maps for selecting fairness metrics. The article specifies which elements may be tested within experimental legal regimes and which require amendments to labour and procedural legislation.

Conclusions. Technical concretization can cover only particular normative projections of a principle, while the final legal assessment of competing values in legally significant decisions requires meaningful human oversight.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation, principles of law, formal equality, non-discrimination, technical standards, limits of formalization, human oversight, fairness metrics, experimental legal regimes, socio-technical norms, algorithmic explainability

For citation: Kurochkin P.A. The Limits of Technical Concretization of Legal Principles in Artificial Intelligence Regulation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(3):40-54. (In Russ). EDN: XLRBZI

Введение

Расширение применения искусственного интеллекта в сферах принятия юридически значимых решений требует определения способов обеспечения действия принципов права на всех этапах создания и использования интеллектуальных систем [1]. Нормативное содержание принципов права выражено на высоком уровне обобщения, тогда как их соблюдение предполагает установление конкретных требований к данным, алгоритмическим процедурам и результатам работы таких систем.

Отсутствие теоретически обоснованного порядка этой конкретизации создает риск декларативности правовых принципов или подмены их содержания формальными техническими показателями. Этим обусловлена актуальность исследования условий, способов и пределов технической конкретизации принципов права в сфере регулирования ИИ.

Используемые в регулировании ИИ источники различаются по юридической силе и способу воздействия. К примеру, Регламент (ЕС) 2024/1689 устанавливает развернутую риск-ориентированную систему запретов, обязанностей, оценки соответствия и надзора, в которой общие ценностные положения сочетаются с непосредственно применимыми правилами¹.

Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года закрепляет преимущественно стратегические и этико-правовые ориентиры². Принятый 26 июля 2026 г. Федеральный закон № 243-ФЗ формирует рамочные начала поддержки и безопасного применения больших фундаментальных моделей ИИ, то есть имеет более узкую предметную сферу, чем регулирование интеллектуальных систем в целом³. При некоторых различиях регулятивных моделей национальные и международные документы опираются на сопоставимый круг правовых ценностей [2].

Принципы права сформулированы как абстрактные ценностные начала, тогда как требования к интеллектуальным системам должны быть проверяемыми и выражаться в определенных характеристиках данных, процедур и результатов. Вопрос о том, до какой степени нормативное содержание принципа поддается переводу в технический параметр без утраты ценностной составляющей, в теории права остается открытым [3].

Возможность полного выражения принципов права в технических требованиях ограничена двумя обстоятельствами. Во-первых, принципы выражаются с помощью оценочных понятий, таких как: равенство, справедливость, достоинство, соразмерность, а их техническая операционализация неизбежно предполагает интерпретационное и ценностное решение. Во-вторых, не всякое содержание принципа может быть исчерпано заранее установленным параметром, так как соотношение конкурирующих ценностей требует оценки обстоятельств конкретного случая.

Цель настоящего исследования состоит в определении порядка и пределов технической конкретизации принципов права в сфере регулирования ИИ. Для ее достижения решаются четыре взаимосвязанные задачи: разграничить материальные принципы и принципы-гарантии правового регулирования ИИ; показать порядок технической конкретизации на примере запрета дискриминации в сфере труда; выявить и систематизировать пределы конкретизации; определить институциональные гарантии, компенсирующие неполноту перевода принципов в технические требования.

Исходная гипотеза исследования состоит в том, что между принципом права и техническим параметром интеллектуальной системы отсутствует непосредственный переход. Формирование проверяемого требования предполагает юридическую интерпретацию принципа, выделение в его содержании положения, допускающего формализацию, закрепление обязанности соответствующего субъекта и определение процедуры проверки.

В отличие от правоприменительной конкретизации, при которой содержание принципа раскрывается с учетом обстоятельств конкретного дела [4; 5], здесь требование формулируется до принятия индивидуального решения. Поэтому необходимо установить, какая часть нормативного содержания принципа может быть выражена в техническом

¹ О гармонизированных правилах в области искусственного интеллекта: Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г. // Официальный журнал Европейского союза. 2024. 12 июля. № L 2024/1689. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (дата обращения: 3 июня 2026 г.).

² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года): Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (в ред. Указа Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

³ О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации: Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ (вступает в силу с 1 сентября 2026 г.; отдельные положения — с 1 марта 2027 г.) // Собрание законодательства РФ. 2026. № 30. Ст. 4089.

параметре, кто и в какой юридической форме вправе его установить и какие правовые последствия влечет несоблюдение сформулированного требования.

Теоретические основы

Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и формально-логический методы. Формально-юридический метод применен к нормативным актам и техническим стандартам, прежде всего к Регламенту (ЕС) 2024/1689, Указу Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ¹ и принятому Федеральному закону от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ.

Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления российского и европейского подходов к регулированию систем, влияющих на принятие юридически значимых решений в отношении граждан. Сопоставление правил защиты от дискриминации позволило выявить отсутствие в российском праве специального механизма перераспределения бремени доказывания после представления фактов, позволяющих предположить алгоритмическую дискриминацию.

Теоретическую основу исследования образуют две группы источников. Первая включает положения общей теории права о социально-технических нормах [6], конкретизации норм и принципов [4; 5], принципах права [7] и правовых пределах цифровой трансформации [8]. Вторая представлена отечественной доктриной права цифровой среды, в том числе работами о соотношении права и цифровизации [1; 3], национальных подходах к регулированию ИИ [2], концепциях его правового регулирования [9; 10], доверии к прикладным системам [11], балансе инноваций и безопасности [12], праве будущего [13], рисках дискриминации при обработке данных [14] и прозрачности алгоритмов [15].

Теоретическое основание соотношения правового принципа и технического правила образуют положения Л. Лессига о регулятивном воздействии программной архитектуры [16] и подход М. Хильдебрандт к встраиванию юридических гарантий в структуру цифровой системы [17]. Эти положения позволяют рассматривать технические параметры системы как форму реализации отдельных нормативных требований, не отождествляя их с содержанием принципа права. Разработанный Л. Кэлером подход к формированию правовых понятий [18] использован для разграничения нормативного содержания принципов и способов его технической операционализации.

Вывод о том, что принцип недискриминации не сводится к единой метрике, опирается на работы о несовместимости формальных критериев алгоритмической справедливости [19; 20] и о зависимости их применения от социального и институционального контекста [21; 22]. Отсюда же следует аксиологический предел его технической конкретизации.

Порядок технической конкретизации соотнесен с исследованиями документирования и проверки интеллектуальных систем. Подходы к паспортизации моделей [23] и наборов данных [24] показывают, какие сведения о назначении системы, качестве данных и распределении ошибок можно зафиксировать в проверяемой форме. Стадии технической конкретизации выделены с опорой на модель внутреннего алгоритмического аудита [25], а условия содержательного человеческого контроля определены по итогам работы о требованиях к человеческому участию в алгоритмическом решении [26]. Концепция проверяемости автоматизированного решения [27] положена в основу выводов о содержании верификационно-процедурной стадии.

Исследование носит общетеоретический характер и направлено на определение порядка и пределов технической конкретизации принципов права. Теоретические положения раскрываются на материале статей 3 и 64 Трудового кодекса РФ, закрепляющих запрет

¹ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (в ред. от 26 июня 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

дискриминации и гарантии при заключении трудового договора. Установлено, какие элементы принципа недискриминации могут быть выражены в проверяемых требованиях к системам алгоритмического отбора персонала, а какие сохраняют оценочный характер. Предложенный подход применим и к другим сферам использования искусственного интеллекта с учетом особенностей регулируемых отношений.

Результаты исследования

Понятие и структура технической конкретизации принципов права

Принцип права не может быть непосредственно «переведен» в алгоритм или количественный показатель [13]. Технический параметр выражает не принцип в целом, а одно из выводимых из него нормативных положений. Такое положение обозначается в настоящей статье как нормативная проекция принципа [18]. Оно конкретизирует его значение для определенного вида отношений, но не исчерпывает его содержания.

Под технической конкретизацией принципа права предлагается понимать юридически опосредованный процесс, в ходе которого отдельная нормативная проекция принципа выражается в формально определенных требованиях к данным, проектированию, функционированию и применению системы ИИ, а также в критериях проверки их соблюдения [9].

Определение «техническая» характеризует форму результата, но не источник его обязательности и не наделяет разработчика самостоятельным правом определять содержание принципа. Технический параметр приобретает юридическое значение только при его установлении или санкционировании компетентным субъектом в предусмотренной правом форме [10].

Техническая конкретизация носит производный и частичный характер. Производный характер означает, что содержание технического требования должно быть юридически выводимо из принципа, а не определяться исключительно инженерной целесообразностью. Частичный характер состоит в том, что ни отдельная метрика, ни совокупность технических требований не заменяют принцип и не предопределяют его применение во всех возможных ситуациях.

В аналитических целях в процессе технической конкретизации выделяются четыре функциональных стадии [25; 27]. На интерпретационной стадии определяются охраняемая ценность, сфера действия принципа, допустимые исключения и нормативная проекция, которая подлежит дальнейшей формализации. На нормативной стадии устанавливаются адресат обязанности, ее предмет, пределы и юридическая форма закрепления.

Техническая стадия включает выбор характеристик данных, метрик, порогов, требований к документированию и иных параметров, позволяющих проверить соблюдение юридического требования [11]. На верификационно-процедурной стадии определяются способы аудита, доказывания, оспаривания и правовые последствия несоответствия.

Указанные стадии образуют аналитическую модель, позволяющую установить, на каком этапе нормативное содержание принципа сужается, утрачивает связь с правовым основанием или не получает надлежащего процессуального обеспечения. В обобщенном виде переход выражается следующим образом: принцип права → нормативная проекция → юридическое требование → технический критерий → процедура проверки → правовое последствие. На нормативной стадии технический критерий может приобрести качество юридически обязательного требования. Такой результат конкретизации относится к социально-техническим нормам. Правовое предписание адресуется человеку или организации и определяет параметры создания, эксплуатации либо контроля технической системы [6].

Тем самым юридическим регулятором остается норма права, а не алгоритм или технический стандарт как таковой. Само утверждение национального стандарта не делает его требования общеобязательными.

По общему правилу они применяются добровольно (статья 26 Федерального закона «О стандартизации в Российской Федерации»¹). Для неопределенного круга лиц обязательность возникает при нормативной отсылке к стандарту или включении требований в программу экспериментального правового режима в пределах предоставленных законом полномочий. Ссылка на стандарт в договоре связывает только стороны соответствующего обязательства.

Выбор принципа недискриминации и сферы алгоритмического отбора персонала

Принцип недискриминации избран для проверки предложенной модели не в качестве единичного примера, а вследствие его общеправового характера и особенностей технической формализации. Он закрепляет общую конституционную ценность равенства, но его применение требует оценки сопоставимости лиц, связи различия с законной целью и соразмерности используемого критерия. Одновременно результаты алгоритмического отбора могут быть сопоставлены по группам и выражены в количественных показателях. В одном принципе сочетаются технически измеримые и несводимые к метрике элементы, что позволяет выявить все основные пределы технической конкретизации.

Алгоритмический отбор персонала дает возможность рассмотреть конкретизацию на всех ее стадиях. Решение о приеме на работу непосредственно затрагивает трудовые права, критерий деловых качеств имеет оценочное содержание, а данные и логика системы обычно находятся под контролем работодателя или разработчика. Такая конструкция одновременно выявляет проблемы нормативного закрепления, выбора технического критерия и доказывания нарушения.

Для технической конкретизации существенно функциональное разграничение материальных принципов и принципов-гарантий [7]. Материальные принципы определяют охраняемую ценность и критерий правомерности решения. К ним относятся равенство и недискриминация, достоинство, неприкосновенность частной жизни и соразмерность вмешательства.

Принципы-гарантии обеспечивают проверяемость и оспоримость решения, но не определяют, является ли различие в обращении дискриминационным. Например, прозрачность, подотчетность и человеческий контроль². Это не иерархия принципов, а различие их функций в механизме защиты прав человека.

Нормативную основу недискриминации образуют статья 19 Конституции РФ³, статья 7 Всеобщей декларации прав человека⁴ и статья 26 Международного пакта о гражданских и политических правах⁵.

¹ О стандартизации в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ (в ред. от 4 августа 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 27. Ст. 3953.

² Recommendation of the Council on Artificial Intelligence (OECD/LEGAL/0449): adopted 22 May 2019, amended 8 November 2023 and 3 May 2024. Paris: OECD, 2019. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/oecd-legal-0449> (дата обращения: 3 августа 2026 г.).

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. Дата опубликования: 4 июля 2020 г. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 3 июля 2026 г.).

⁴ Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. 5 апреля.

⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах: принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

Различие в правовом положении не является дискриминацией, если оно имеет объективное и разумное оправдание и соразмерно конституционно значимой цели¹. В трудовом праве общий запрет конкретизирован в статьях 2 и 3 ТК РФ, а применительно к соискателям в ст. 64 ТК РФ, запрещающей необоснованный отказ в заключении трудового договора и ограничения, не связанные с деловыми качествами².

Техническая конкретизация принципа недискриминации в алгоритмическом отборе персонала

На интерпретационной стадии из ст. 3 и 64 ТК РФ выводится нормативное положение, согласно которому алгоритмический отбор не должен создавать неблагоприятное различие в отношении сопоставимых кандидатов по защищаемому признаку, если такое различие не обусловлено объективно необходимыми для конкретной работы деловыми качествами и не является соразмерным. Эта формула соединяет три юридически значимых элемента: защищаемый признак, неблагоприятное воздействие и оценку объективного оправдания различия.

Защищаемые признаки и неблагоприятное воздействие поддаются формализации лишь отчасти. Если есть законное основание обрабатывать соответствующие данные, доли кандидатов, прошедших каждый этап отбора, можно сопоставить, а расхождение проверить на устойчивость и статистическую значимость. Дискриминацию такое различие не доказывает. Требуется еще установить сопоставимость групп, причинную связь расхождения с применением системы, связь использованного критерия с деловыми качествами и соразмерность последствий. Поэтому статистический показатель работает как индикатор возможного нарушения, а не как технический эквивалент принципа недискриминации [14].

Оценка деловых качеств формализуется тоже частично. Под конкретную вакансию можно задать требования к образованию, опыту, профессиональным знаниям и навыкам. Правомерен ли каждый критерий, зависит от его связи с характером работы, достоверности исходных данных, равенства условий оценки и соразмерности отказа. Признак, статистически связанный с прежними кадровыми решениями, юридически допустимым показателем деловых качеств от этого не становится.

На нормативной стадии сказанное должно превратиться в обязанности работодателя, который применяет алгоритмический отбор. Он обосновывает связь критериев с деловыми качествами, отвечает за релевантность и репрезентативность данных, документирует логику отбора, периодически проверяет систему на необоснованное неблагоприятное воздействие, хранит журналы событий и обеспечивает возможность пересмотра решения уполномоченным лицом [25].

Регламент (ЕС) 2024/1689 относит системы, предназначенные для найма и отбора лиц, к системам высокого риска (пункт 4 приложения III), а их применение связывает с управлением рисками, требованиями к данным, документации, прозрачности и человеческому контролю. Сопоставимого общего режима для кадровых алгоритмов российское право не знает. Статьи 3 и 64 ТК РФ формулируют материальный запрет, однако специальных обязанностей при использовании ИИ не устанавливают.

Федеральный закон № 243-ФЗ распространяется только на большие фундаментальные модели, общего режима для всех систем алгоритмического найма он не создает. Отсутствие нормы, связывающей запрет дискриминации с конкретными обязанностями работодателя по управлению рисками кадрового алгоритма, составляет нормативный пробел [12].

¹ По делу о проверке конституционности положений подпунктов 10, 11 и 12 пункта 1 статьи 28, пунктов 1 и 2 статьи 31 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и других положений в связи с запросами Государственной Думы Астраханской области и ряда судов, а также жалобами граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 3 июня 2004 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2004. № 24. Ст. 2476.

² Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 25 мая 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

На технической стадии национальные стандарты, разработанные техническим комитетом по стандартизации ТК 164 «Искусственный интеллект», определяют общие положения оценки качества систем искусственного интеллекта¹ и показатели качества данных для аналитики и машинного обучения². Отдельные стандарты содержат обзор методов оценки робастности нейронных сетей³ и методологию применения формальных методов для такой оценки⁴. Они создают техническую основу для аудита, но не определяют, какая метрика справедливости должна применяться при найме и какое расхождение результатов следует считать юридически значимым.

Формальные метрики справедливости не являются взаимозаменяемыми. При различии базовых частот в сравниваемых группах одновременное соблюдение калибровки и равенства ряда показателей ошибок в общем случае недостижимо [19; 20]. Дискуссия о системе COMPAS показала, что сопоставимая калибровка может сочетаться с разным распределением ложноположительных и ложноотрицательных результатов [20].

Данный пример не переносится на трудовые отношения непосредственно, но подтверждает общий вывод. Выбор метрики распределяет риски ошибки между группами и поэтому требует нормативного, а не только технического обоснования [21]. Отсутствие правил выбора метрики и порога также образует нормативный пробел.

На верификационно-процедурной стадии обнаруживается неравенство в доступе к информации. Статья 16 Федерального закона «О персональных данных» запрещает решения, основанные исключительно на автоматизированной обработке персональных данных и порождающие юридические последствия или иным образом затрагивающие права и законные интересы субъекта, но допускает их при наличии письменного согласия или в предусмотренных федеральным законом случаях⁵.

Оператор обязан разъяснить порядок и последствия принятия решения, предоставить возможность заявить возражение и рассмотреть его. Однако закон не устанавливает обязанности провести содержательный человеческий пересмотр. Статья 64 ТК РФ предоставляет соискателю право потребовать письменное сообщение причин отказа и обжаловать его в суде. Но данные о модели, выборе метрики, распределении ошибок и влиянии конкретных признаков остаются у работодателя или разработчика.

Лицо, оспаривающее отказ, должно доказывать устойчивое неблагоприятное воздействие алгоритма на определенную группу, не располагая необходимой информацией. Данная информационная асимметрия образует еще один нормативный пробел.

Проверка модели на материале алгоритмического отбора обнаружила три коллизии. Первая складывается между общим запретом дискриминации и специальными обязанностями при использовании кадрового алгоритма. Вторая возникает там, где групповое расхождение технически измеримо, а юридически обоснованный выбор метрики и порога

¹ Оценка качества систем искусственного интеллекта. Общие положения: ГОСТ Р 59898-2021: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 26 ноября 2021 г. № 1620-ст: дата введения 2022-03-01. М.: Стандартинформ, 2021.

² Искусственный интеллект. Качество данных для аналитики и машинного обучения (МО). Части 1–4: ГОСТ Р 71484.1-2024 — ГОСТ Р 71484.4-2024 (ИСО/МЭК 5259-1:2024 - ИСО/МЭК 5259-4:2024): утв. и введены в действие приказами Росстандарта от 28 октября 2024 г.: дата введения 2025-01-01. М.: Российский институт стандартизации, 2024.

³ Информационные технологии. Интеллект искусственный. Оценка робастности нейронных сетей. Часть 1. Обзор: ГОСТ Р 70462.1-2022/ISO/IEC TR 24029-1-2021: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 2 ноября 2022 г. № 1226-ст. М.: Российский институт стандартизации, 2022.

⁴ Искусственный интеллект. Оценка робастности нейронных сетей. Часть 2. Методология использования формальных методов: ГОСТ Р ИСО/МЭК 24029-2-2024: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 28 октября 2024 г. № 1542-ст. М.: Российский институт стандартизации, 2024.

⁵ О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 26 июля 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

отсутствует. Третья противопоставляет право на оспаривание фактической недоступности сведений, без которых доказывание невозможно.

Первая и третья коллизии сводятся к устранимым дефектам правового регулирования. Во второй пробел нормативного выбора соединяется с объективным аксиологическим пределом, поскольку ни законодатель, ни регулятор не отменяют необходимость выбирать между несовместимыми формализациями.

Степень технической формализации и пределы конкретизации принципов права

Проведенный анализ позволяет классифицировать результаты технической конкретизации принципов. Основанием деления служит характер юридической оценки, без которой техническое требование нельзя ни установить, ни применить.

В первую группу попадают технические и организационные требования, содержание которых после нормативного выбора определяется и проверяется без того, чтобы заново взвешивать конкурирующие ценности в каждом случае. Так устроены регистрация событий, фиксация происхождения данных, ведение документации, повторяемость процедуры проверки и соблюдение установленных сроков хранения сведений [24]. Полностью формализуется здесь не принцип, а выведенная из него конкретная обязанность.

Вторая группа объединяет требования, которые становятся технически измеримыми только после того, как нормативно выбраны метрика, порог и условия ее применения. Сюда входят отдельные требования, направленные на предотвращение дискриминации, объяснимость результатов и устойчивость системы к ошибкам, сбоям и изменениям входных данных. Оценочное решение здесь никуда не исчезает. Оно переносится с этапа применения системы на этап, где устанавливается обязательный технический критерий.

Остальное приходится на оценочные элементы принципов, для которых заранее установленный набор параметров юридическую оценку не исчерпывает. Таковы соразмерность вмешательства, достоинство личности, добросовестность, обоснованность деловых качеств, оценка правомерности различия в обращении. Техническая система соберет и структурирует юридически значимые обстоятельства, но окончательное решение метрикой не предопределяется.

Типология очерчивает область допустимой формализации, но не объясняет, чем эта область ограничена. Для этого необходимо разграничить пробелы регулирования, устранимые законодателем, и пределы, обусловленные структурой принципа, необходимостью ценностного выбора и познавательными возможностями технологии [8].

Структурно-логический предел вытекает из несводимости принципа к закрытому правилу с заранее определенными условиями и единым правовым последствием. Принцип может действовать как запрет, основание толкования или требование соразмерения. Формализация фиксирует один способ его реализации и не может быть признана эквивалентом его полного нормативного содержания. Этот предел не устраняется увеличением числа параметров [7].

Аксиологический предел обусловлен тем, что одно нормативное требование может быть выражено в нескольких технически корректных, но неравноценных формализациях. Выбор метрики справедливости определяет, какой тип ошибки и для какой группы признается более допустимым. Аналогичный выбор возникает при определении глубины объяснения, порога риска и соотношения между необходимостью аудита и защитой персональных данных. Технология позволяет реализовать выбор, но не может легитимировать его вместо права [21].

Эпистемико-технологический предел связан с возможностью достоверно установить и проверить основания результата. Он зависит от качества и репрезентативности данных, архитектуры модели, качества документации и доступных методов интерпретации [15]. Этот предел не является одинаковым для всех систем и может сужаться по мере развития аудита и объяснимости. Однако даже технически доступное объяснение не обеспечивает

юридической проверки, если не позволяет установить роль конкретного признака, связь между критерием и результатом, а также возможность иного решения.

Указанные пределы не отменяют техническую конкретизацию, но определяют ее допустимую глубину. Там, где требуется оценка объективного оправдания, соразмерности или соответствия деловым качествам, окончательное решение должно сохраняться за уполномоченным субъектом [8].

Содержательный человеческий контроль предполагает наличие у такого субъекта необходимой компетенции, доступа к данным и документации, достаточного времени для проверки и полномочия изменить результат системы с фиксацией оснований окончательного решения [26]. Формальное подтверждение алгоритмического результата таким контролем не является. В действующем российском праве такое требование не носит универсального характера и предлагается для систем высокого риска, существенно затрагивающих права личности.

Обсуждение результатов исследования

Полученные результаты уточняют соотношение правовой нормативности и технической архитектуры. Тезис о регулятивном воздействии кода [16] и подход к встраиванию правовых гарантий в цифровую среду [17] показывают, что архитектура системы способна направлять поведение. Вопрос о том, когда инженерное решение становится формой реализации принципа права, они оставляют открытым. Предложенная модель связывает технический критерий с нормативным основанием, компетенцией субъекта, процедурой проверки и правовыми последствиями. Эта связь и отличает техническую конкретизацию от чисто инженерной операционализации.

Работы о формальных метриках справедливости доказывают несовместимость отдельных статистических критериев [19; 20], а исследования социотехнических систем показывают зависимость их значения от институционального контекста [21; 22]. Отсюда следует не отказ от количественной проверки, а признание того, что выбор метрики есть нормативное решение, которое нужно обосновать, задокументировать и сделать доступным для оспаривания.

Пробелы в техническом и процессуальном обеспечении принципа и объективные пределы его формализации требуют различных правовых решений. Пробелы могут быть устранены путем установления обязанностей по документированию и аудиту, правил доступа к сведениям и специальных средств доказывания [25]. Объективные пределы не устраняются новой метрикой. Они требуют процедуры, сохраняющей возможность юридической оценки, персонифицированной ответственности за решение и его оспаривание.

Применительно к алгоритмическому отбору персонала данная процедура должна включать три взаимосвязанные гарантии. Первая – перераспределение бремени доказывания после того, как соискатель или работник представит совокупность фактов, позволяющих обоснованно предположить дискриминационное воздействие системы.

Таковыми фактами могут быть статистически значимое и устойчивое расхождение между сопоставимыми группами, связь результата с применением конкретной системы и отсутствие доступного объяснения критериев. После этого на работодателя должны возлагаться обязанности раскрыть документированные критерии отбора и доказать их связь с деловыми качествами, объективную необходимость и соразмерность различия. Данная модель соответствует логике статьи 10 Директивы 2000/78/ЕС¹.

Вторая гарантия – состязательная проверка технических выводов. Эксперт или специалист может устанавливать использованную метрику, качество и репрезентативность

¹ Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation. Art. 10 // Official Journal of the European Communities. 2000. L 303. P. 16–22. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32000L0078> (дата обращения: 3 июля 2026 г.).

данных, величину и устойчивость расхождения, а также возможное влияние отдельных признаков. Вопросы о наличии дискриминации, правомерности цели и соразмерности различия относятся к компетенции суда. Поэтому сторонам должен быть обеспечен доступ к необходимой документации с соблюдением охраняемой законом тайны, а также возможность ставить вопросы, представлять заключение специалиста и оспаривать исходные допущения исследования [27].

Третья гарантия состоит в стандартизированном документировании выбора метрики. Для этого компетентный регулятор может утверждать типовые карты выбора метрик [23]. Такая карта не подменяет правовую норму и не устанавливает обязательную метрику вне компетенции регулятора. Ее назначение в том, чтобы задать единую структуру обоснования: назначение системы, защищаемые группы, выбранная метрика и альтернативы, распределение ошибок, качество выборки, порог допустимого расхождения, периодичность проверки и правовое основание выбора. Если отдельные положения карты должны иметь обязательную силу, они подлежат закреплению в надлежащей нормативной форме.

Экспериментальный правовой режим позволяет апробировать технические и организационные элементы предложенной модели: требования к данным и регистрации, порядок аудита, форму карты выбора метрики, условия человеческого контроля и процедуру рассмотрения возражений.

Однако перераспределение бремени доказывания не может основываться только на этом. Часть 3 статьи 5 Федерального закона № 258-ФЗ допускает изменение действия федерального закона в программе режима только при наличии прямого законодательного основания. Поэтому перераспределение бремени доказывания требует прямого закрепления в трудовом законодательстве и согласования с правилами статьи 56 ГПК РФ¹.

Для этого ст. 3 или ст. 64 ТК РФ следует дополнить положением, согласно которому при представлении соискателем или работником фактов, позволяющих предположить дискриминационное воздействие автоматизированной системы, работодатель обязан раскрыть критерии алгоритмического решения и доказать их связь с деловыми качествами, объективную необходимость и соразмерность различия.

В Федеральном законе № 258-ФЗ целесообразно предусмотреть обязательное включение в программу режима документов, позволяющих проверить выбор метрики, порог допустимого расхождения, качество данных и порядок содержательного человеческого контроля.

Предложенная модель имеет ограничения. Аудит недискриминации требует достоверных данных о групповой принадлежности, обработка которых может создавать риск для частной жизни. Доступ к модели и данным может ограничиваться коммерческой тайной. Человеческий контроль подвержен автоматизационному предубеждению, при котором лицо склонно подтверждать алгоритмический результат без самостоятельной оценки [26]. Эти риски не опровергают предложенную модель, но требуют дифференцированного доступа к документации, независимого аудита и фиксации действий лица, принявшего окончательное решение.

Заключение

Технической конкретизацией принципа права следует считать юридически опосредованный процесс, в котором отдельная нормативная проекция принципа выражается в формально определенных требованиях к данным, проектированию, функционированию и применению системы ИИ, а также в критериях проверки их соблюдения. Она производна и частична. Техническое требование выводится из принципа, но полного нормативного содержания принципа не подменяет.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 4 августа 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

Аналитическая модель технической конкретизации включает интерпретационную, нормативную, техническую и верификационно-процедурную стадии. С ее помощью дефекты правового обеспечения отделяются от объективных пределов формализации. На материале алгоритмического отбора персонала обнаружено три дефекта: у работодателя нет специальных обязанностей при использовании кадрового алгоритма, выбор метрики и порога юридически не обоснован, а при оспаривании решения стороны находятся в информационной асимметрии.

По степени технической формализации результаты конкретизации расходятся. Объективно проверяемые технические и организационные обязанности применяются без повторного ценностного выбора. Метрико-зависимые требования такого выбора требуют заранее, на уровне критерия и порога. Оценочные элементы принципа формализуются лишь отчасти и нуждаются в юридической оценке обстоятельств конкретного случая.

Пределов технической конкретизации установлено три. Структурно-логический возникает потому, что закрытый набор параметров не исчерпывает содержание принципа. Аксиологический проявляется там, где приходится выбирать между технически корректными, но ценностно неравноценными формализациями. Эпистемико-технологический связан с тем, что основания результата сложной модели трудно достоверно восстановить и проверить.

Усложнение технических показателей эти пределы не снимает. Их правовое значение в другом: сохранить содержательную юридическую оценку, оспоримость решения и персонализированную ответственность. При использовании кадровых алгоритмов этому служат обязанность раскрыть и обосновать критерии отбора, состязательная проверка технических выводов, документирование выбора метрики и содержательный человеческий контроль. Технические и организационные элементы предложенной модели можно апробировать в экспериментальном правовом режиме, а перераспределение бремени доказывания придется закрепить прямо в законе.

Список источников

1. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 5–16. - https://doi.org/10.12737/art_2018_9_1. – EDN: YXUYFV.
2. Алферова, Е. В. Международные и национальные особенности правового регулирования искусственного интеллекта: опыт России, Китая, Индии / Е. В. Алферова, Е. В. Скурко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2026. – Т. 30, № 2. – С. 215–232. - <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-215-232>. – EDN: DBTINJ.
3. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102. - https://doi.org/10.12737/art_2018_1_7. – EDN: YKWEZL.
4. Гук, П. А. Толкование и конкретизация норм и принципов права судебными органами / П. А. Гук // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 32–40. - <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2020-4-4>. – EDN: HWHZJU.
5. Терехина, Е. А. К вопросу о конкретизации принципов и норм права судебными органами / Е. А. Терехина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2022. – № 3 (67). – С. 157–168. - <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-3-15>. – EDN: UJCFNG.
6. Матузов, Н. И. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – 5-е изд. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – 528 с. - ISBN 978-5-85006-370-2.
7. Коновалов, А. В. Принципы права: монография / А. В. Коновалов. – Москва: Норма, 2022. – 792 с. – DOI: 10.12737/1816288. – ISBN 978-5-00156-195-8.
8. Шатковская, Т. В. Правовые пределы цифровой трансформации: поиск новых решений / Т. В. Шатковская // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 3 (195). – С. 170–173. - https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_3_170. – EDN: HXLMM.
9. Харитонова, Ю. С. Искусственный интеллект: цивилистическая концепция регулирования: монография / Ю. С. Харитонова, В. С. Савина. – Москва: Юстицинформ, 2025. – 332 с. - ISBN 978-5-7205-2195-0.

10. Концепции, принципы и направления правового регулирования безопасного искусственного интеллекта и цифровых технологий: монография / отв. ред. А. И. Овчинников. – Москва: Проспект, 2026. – 280 с. – ISBN 978-5-392-45572-0.
11. Гарбук, С. В. Модель доверия к прикладным системам искусственного интеллекта / С. В. Гарбук // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2024. – Т. 21, № 4. – С. 151–169. – <https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2024-4-151-169>. – EDN: AQMSEC.
12. Кондрашов, П. Е. Регулирование разработки и применения искусственного интеллекта: проблемы и направления развития / П. Е. Кондрашов, Ю. Ю. Петрунин, С. С. Попова // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2025. – Т. 22, № 1. – С. 3–19. – <https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-22-2025-1-3-19>. – EDN: YNLBUI.
13. Зорькин, В. Д. Providentia, или О праве будущего в эпоху цифровизации / В. Д. Зорькин // Государство и право. – 2020. – № 6. – С. 7–19. – <https://doi.org/10.31857/S013207690009932-7>. – EDN: PPSVUC.
14. Талапина, Э. В. Обработка данных при помощи искусственного интеллекта и риски дискриминации / Э. В. Талапина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 4–27. – <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.1.4.27>. – EDN: PWEPSJ.
15. Талапина, Э. В. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта / Э. В. Талапина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 4–27. – <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2025.3.4.27>. – EDN: RGQHJV.
16. Lessig, L. Code: Version 2.0 / L. Lessig. – New York: Basic Books, 2006. – 410 p. – ISBN 978-0-465-03914-2.
17. Hildebrandt, M. Smart Technologies and the End(s) of Law: Novel Entanglements of Law and Technology / M. Hildebrandt. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. – 304 p. – <https://doi.org/10.4337/9781849808774>. – ISBN 978-1-84980-876-7.
18. Кэлер, Л. Значение нормативных оснований для формирования правовых понятий / Л. Кэлер // Труды Института государства и права РАН. – 2020. – Т. 15, № 3. – С. 62–91. – <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2020-15-3-kahler>. – EDN: ZMKJWG.
19. Kleinberg, J. Inherent Trade-Offs in the Fair Determination of Risk Scores / J. Kleinberg, S. Mullainathan, M. Raghavan // 8th Innovations in Theoretical Computer Science Conference (ITCS 2017). Leibniz International Proceedings in Informatics (LIPIcs). – Dagstuhl: Schloss Dagstuhl–Leibniz-Zentrum für Informatik, 2017. – Vol. 67. – P. 43:1–43:23. – <https://doi.org/10.4230/LIPIcs.ITCS.2017.43>.
20. Chouldechova, A. Fair Prediction with Disparate Impact: A Study of Bias in Recidivism Prediction Instruments / A. Chouldechova // Big Data. – 2017. – Vol. 5, no. 2. – P. 153–163. – <https://doi.org/10.1089/big.2016.0047>.
21. Wachter, S. Why Fairness Cannot Be Automated: Bridging the Gap between EU Non-Discrimination Law and AI / S. Wachter, B. Mittelstadt, C. Russell // Computer Law & Security Review. – 2021. – Vol. 41. – Art. 105567. – <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2021.105567>.
22. Selbst, A. D. Fairness and Abstraction in Sociotechnical Systems / A. D. Selbst, D. Boyd, S. A. Friedler, S. Venkatasubramanian, J. Vertesi // Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. – New York: ACM, 2019. – P. 59–68. – <https://doi.org/10.1145/3287560.3287598>.
23. Mitchell, M. Model Cards for Model Reporting / M. Mitchell, S. Wu, A. Zaldivar, P. Barnes, L. Vasserman, B. Hutchinson, E. Spitzer, I. D. Raji, T. Gebru // Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. – New York: ACM, 2019. – P. 220–229. – <https://doi.org/10.1145/3287560.3287596>.
24. Gebru, T. Datasheets for Datasets / T. Gebru, J. Morgenstern, B. Vecchione, J. W. Vaughan, H. Wallach, H. Daumé, K. Crawford // Communications of the ACM. – 2021. – Vol. 64, no. 12. – P. 86–92. – <https://doi.org/10.1145/3458723>.
25. Raji, I. D. Closing the AI Accountability Gap: Defining an End-to-End Framework for Internal Algorithmic Auditing / I. D. Raji, A. Smart, R. N. White, M. Mitchell, T. Gebru, B. Hutchinson, J. Smith-Loud, D. Theron, P. Barnes // Proceedings of the 2020 Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. – New York: ACM, 2020. – P. 33–44. – <https://doi.org/10.1145/3351095.3372873>.
26. Green, B. The Flaws of Policies Requiring Human Oversight of Government Algorithms / B. Green // Computer Law & Security Review. – 2022. – Vol. 45. – Art. 105681. – <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2022.105681>.
27. Cobbe, J. Reviewable Automated Decision-Making: A Framework for Accountable Algorithmic Systems / J. Cobbe, M. S. A. Lee, J. Singh // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness,

Accountability, and Transparency. – New York: ACM, 2021. – P. 598–609. – <https://doi.org/10.1145/3442188.3445921>.

References

1. Khabrieva TYa. Law facing the challenges of digital reality. *Journal of Russian Law*. 2018;(9):5–16. (In Russ.). DOI: 10.12737/art_2018_9_1. EDN: YXUYFV.
2. Alferova E.V., Skurko E.V. International and national features of legal regulation of artificial intelligence: the experience of Russia, China and India. *RUDN Journal of Law*. 2026;30(2):215–232. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2337-2026-30-2-215-232. EDN: DBTINJ.
3. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in the digital reality. *Journal of Russian Law*. 2018;(1):85–102. (In Russ.). DOI: 10.12737/art_2018_1_7. EDN: YKWEZL.
4. Guk P.A. Interpretation and concretization of norms and principles of law by judicial bodies. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2020;(4):32–40. (In Russ.). DOI: 10.21685/2072-3016-2020-4-4. EDN: HWHZJU.
5. Terekhina E.A. On the concretization of principles and norms of law by judicial bodies. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2022;(3):157–168. (In Russ.). DOI: 10.21685/2072-3016-2022-3-15. EDN: UJCFNG.
6. Matuzov N.I., Malko A.V. *Theory of State and Law: textbook*. 5th ed. Moscow: Delo RANEPa Publishing House; 2022. 528 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-85006-370-2.
7. Konovalov A.V. *Principles of Law: monograph*. Moscow: Norma; 2022. 792 p. (In Russ.). DOI: 10.12737/1816288. ISBN: 978-5-00156-195-8.
8. Shatkovskaya T.V. Legal limits of digital transformation: search for new solutions. *Law and State: The Theory and Practice*. 2021;(3):170–173. (In Russ.). DOI: 10.47643/1815-1337_2021_3_170. EDN: HXLMMM.
9. Kharitonova Yu.S., Savina V.S. *Artificial Intelligence: a Civil Law Concept of Regulation: monograph*. Moscow: Yustitsinform; 2025. 332 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-7205-2195-0.
10. Ovchinnikov A.I., editor. Concepts, Principles and Directions of Legal Regulation of Safe Artificial Intelligence and Digital Technologies: monograph. Moscow: Prospekt; 2026. 280 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-392-45572-0.
11. Garbuk S.V. Trust model for artificial intelligence application systems. *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21*. 2024;21(4):151–169. (In Russ.). DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-4-151-169. EDN: AQMSEC.
12. Kondrashov P.E., Petrunin Yu.Yu., Popova S.S. Regulation of the development and application of artificial intelligence: problems and development trends. *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21*. 2025;22(1):3–19. (In Russ.). DOI: 10.55959/MSU2073-2643-22-2025-1-3-19. EDN: YNLBUI.
13. Zorkin V.D. Providentia, or on the law of the future in the era of digitalization. *State and Law*. 2020;(6):7–19. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013207690009932-7. EDN: PPSVUC.
14. Talapina E.V. Data processing by means of artificial intelligence and risks of discrimination. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2022;15(1):4–27. (In Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2022.1.4.27. EDN: PWEPSJ.
15. Talapina E.V. Transparency of artificial intelligence algorithms. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2025;18(3):4–27. (In Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.4.27. EDN: RGQHJV.
16. Lessig L. *Code: Version 2.0*. New York: Basic Books; 2006. 410 p. ISBN: 978-0-465-03914-2.
17. Hildebrandt M. *Smart Technologies and the End(s) of Law: Novel Entanglements of Law and Technology*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2015. 304 p. DOI: 10.4337/9781849808774. ISBN: 978-1-84980-876-7.
18. Kähler L. The influence of normative reasons on the formation of legal concepts. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2020;15(3):62–91. (In Russ.). DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-3-kahler. EDN: ZMKJWG.
19. Kleinberg J., Mullainathan S., Raghavan M. Inherent trade-offs in the fair determination of risk scores. In: 8th Innovations in Theoretical Computer Science Conference (ITCS 2017). Leibniz International Proceedings in Informatics (LIPIcs). Vol. 67. Dagstuhl: Schloss Dagstuhl–Leibniz-Zentrum für Informatik; 2017. p. 43:1–43:23. DOI: 10.4230/LIPIcs.ITCS.2017.43.
20. Chouldechova A. Fair prediction with disparate impact: a study of bias in recidivism prediction instruments. *Big Data*. 2017;5(2):153–163. DOI: 10.1089/big.2016.0047.

21. Wachter S., Mittelstadt B., Russell C. Why fairness cannot be automated: bridging the gap between EU non-discrimination law and AI. *Computer Law & Security Review*. 2021;41:105567. DOI: 10.1016/j.clsr.2021.105567.
22. Selbst A.D., Boyd D., Friedler S.A., Venkatasubramanian S., Vertesi J. Fairness and abstraction in sociotechnical systems. In: *Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. New York: ACM; 2019. p. 59–68. DOI: 10.1145/3287560.3287598.
23. Mitchell M., Wu S., Zaldivar A., Barnes P., Vasserman L., Hutchinson B., et al. Model cards for model reporting. In: *Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. New York: ACM; 2019. p. 220–229. DOI: 10.1145/3287560.3287596.
24. Gebru T., Morgenstern J., Vecchione B., Vaughan J.W., Wallach H., Daumé H., et al. Datasheets for datasets. *Communications of the ACM*. 2021;64(12):86–92. DOI: 10.1145/3458723.
25. Raji I.D., Smart A., White R.N., Mitchell M., Gebru T., Hutchinson B., et al. Closing the AI accountability gap: defining an end-to-end framework for internal algorithmic auditing. In: *Proceedings of the 2020 Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. New York: ACM; 2020. p. 33–44. DOI: 10.1145/3351095.3372873.
26. Green B. The flaws of policies requiring human oversight of government algorithms. *Computer Law & Security Review*. 2022;45:105681. DOI: 10.1016/j.clsr.2022.105681.
27. Cobbe J., Lee M.S.A., Singh J. Reviewable automated decision-making: a framework for accountable algorithmic systems. In: *Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. New York: ACM; 2021. p. 598–609. DOI: 10.1145/3442188.

Информация об авторе

П. А. Курочкин – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

P. A. Kurochkin – Postgraduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interest.

Статья поступила 06.08.2026; одобрена после рецензирования 03.09.2026; принята к публикации 05.09.2026.

The article was submitted 06.08.2026; approved after reviewing 03.09.2026; accepted for publication 05.09.2026.